

Сун Цинлань поначалу засмотрелась, но тут же заметила, что незнакомка её увидела. Их взгляды встретились. Девушка что-то бормотала себе под нос, но расстояние было слишком большим, чтобы разобрать слова.

Когда та пошла в её сторону, а затем внезапно рухнула на колени, Сун Цинлань растерялась. Она бросилась вперёд, охваченная тревогой, и в порыве чувств позабыла о правилах приличия — ей хотелось лишь поскорее поднять упавшую.

Стоило им соприкоснуться, как обе застыли, не в силах прийти в себя.

— Ты наконец-то позволила мне приблизиться... Я не хотела тебя пугать, не хотела причинять тебе боль.

— Пожалуйста, не уходи от меня больше. Я знаю, что была неправа.

— В этой жизни никто не сможет нас разлучить.

— А-Лань, я люблю тебя!

Мэн Хуайюэ, всхлипывая, выплескивала всё, что годами копилось у неё на душе. Она боялась: если не скажет сейчас, Сун Цинлань снова сбежит, и этот сон развеется.

Она была на голову ниже Сун Цинлань, крепко обнимала её за талию, прижавшись головой к груди. Она так долго ждала, когда А-Лань позволит ей стать ближе, что теперь не могла заставить себя отпустить её.

Сун Цинлань была в ужасе. Её лицо горело, руки, покрытые испариной, безвольно висели по бокам. Она стояла прямая, словно каменное изваяние, не смея коснуться девушки. Однако сердце колотилось в груди с бешеной силой, совершенно не подчиняясь воле.

Услышав обращение А-Лань, она оцепенела.

Она зовёт меня? Но ведь мы видимся впервые. Любит меня? Неужели она ошиблась человеком?

Подумав о том, как сильно от неё разит вином, Сун Цинлань решила, что та просто перебрала и приняла её за кого-то другого. Она попыталась отстраниться, но девушка обняла её только крепче.

— А-Лань, почему ты снова отталкиваешь меня? Я каждый день думаю о тебе, молю, чтобы ты пришла в мой сон, но в моих снах ты всегда изранена из-за меня. Прости меня, ладно?

— Я виновата... Прости...

— Прости, прости...

Мэн Хуайюэ подняла голову и посмотрела в глаза, знакомые ей до глубины души. Она была безутешна, слёзы лились ручьём.

Видя, как плачет эта девушка, Сун Цинлань не смогла сдержаться. Её сердце сжалось от боли — у неё была лишь одна мысль: она не хочет, чтобы та плакала.

— Хорошо, хорошо, я не уйду. Я прощаю тебя, прощаю! — тихо зашептала Сун Цинлань, утешая её.

— Не уйду, я никуда не уйду, — она мягко погладила её по спине.

Через полчаса Мэн Хуайюэ уснула в её тёплых объятиях. Сун Цинлань помогла ей устроиться на каменной скамье, а сама с неохотой вернулась на то место, где стояла прежде. Она долго смотрела на спящую, и её сердце никак не могло успокоиться.

Вскоре пришла служанка, чтобы разбудить пьяную госпожу.

— Ваше Высочество, ночь холодна, позвольте мне проводить вас! — с этими словами она подхватила её под руку, и они медленно удалились.

Кто же этот человек, которого она так отчаянно звала, заливаясь слезами? И почему его тоже зовут А-Лань?

В груди разлилась горечь. Неужели я опоздала? Ты плачешь из-за другого, говоришь, что любишь его.

Десять лет — это действительно долгий срок. Нам всё равно не суждено было быть вместе. Я лишь хотела увидеть тебя издали, как в детстве. Но небо оказалось милостиво: я даже смогла обнять тебя. Этого достаточно.

Сун Цинлань успокоилась, подавила в себе болезненные чувства, и её взгляд снова стал холодным и отстранённым. Она развернулась и шаг за шагом удалилась из этого места, которое теперь навсегда останется в её памяти.

На рассвете ворота дворца медленно отворились.

Сун Цинлань в фиолетовом чиновничьем халате с вышитым тигром на спине шла по длинному коридору вслед за отцом. Это был её первый выход на утренний доклад.

В главном зале чиновники выстроились согласно рангам. Командующий Императорской гвардией, будучи военным четвёртого ранга государства Шу, отвечал за безопасность всех врат столицы.

На троне восседал император, величественный и суровый. Подданные, опустив головы, затаив дыхание слушали наставления и обсуждали государственные дела.

Вдруг Мэн Цзюньцзэ заговорил спокойным, властным тоном:

— Я слышан о твоём мастерстве верховой езды и стрельбе из лука, господин Сун. Говорят, ты способен поразить вражеского генерала прямо в шею с крепостной стены — это поистине достойно юного героя.

— Хотя я и назначил тебя командующим Императорской гвардией, у меня есть ещё одно важное поручение.

— Благодарю за доверие, Ваше Величество, я сделаю всё, что в моих силах, — твёрдо ответила Сун Цинлань. Она была спокойна и уверена, никогда не тушуясь перед высокими гостями — этот навык она отточила за двадцать лет жизни на границе и участия в сражениях.

— Ежегодно во дворце проходит большая охота. Через три месяца, пятнадцатого числа пятого месяца, состоится день состязаний. Мои принцы и принцессы, увы, не сильны в искусстве верховой езды и стрельбы, и в последние годы не нашлось наставника, способного их обучить. Ты мастер в этом деле, поэтому я приказываю тебе заняться их подготовкой. К началу охоты я хочу увидеть результат.

— Слушаюсь, Ваше Величество. Я не подведу, — ответила Сун Цинлань.

Вернувшись домой после аудиенции, она приказала Сун Шии собрать подробные сведения обо всех принцах и принцессах. Только вернувшись из пограничья в этот «змеиный клубок» столицы, она знала: нельзя терять бдительность. Нужно знать врага в лицо — она никогда не вступала в бой, не подготовившись.

— Проверь всех, кроме Пятой принцессы, — сказала она ровно.

Сун Шии заметила, как на мгновение блеснули глаза её госпожи при упоминании Пятой принцессы, и это вызвало у неё любопытство. Шии выросла вместе с Сун Цинлань и понимала её с полуслова. Она была сиротой, дочерью верного подчинённого генерала Суна, и по приказу госпожи обучалась медицине. Умная, хладнокровная и преданная, она управляла многими тайными делами семьи Сун. Поскольку Сун Цинлань была женщиной, именно Шии лечила все

её раны, полученные в боях. Сун Цинлань относилась к ней не как к служанке, а как к младшей сестре.

— Слушаюсь, господин, — ответила Шии. Чтобы не выдать тайну, она всегда называла её господином.

— Когда вернётся Ши Ань? — спросила Сун Цинлань.

— От Теневой стражи пришло известие: будет сегодня к полуночи, — Шии улыбнулась.

Она посмотрела на свою госпожу, которая была увлечена рисованием. Её серьёзный и сосредоточенный вид ничуть не изменился за эти годы. На картине проступали очертания девушки. Шии была поражена: за все эти годы, кроме одного портрета, нарисованного в десятилетнем возрасте, её госпожа рисовала лишь горы, реки и пустыни.

На том старом рисунке была маленькая девочка в лодке с цветком лотоса в руках, с ямочками на щеках и персиковыми глазами.

А сейчас? Присмотревшись, Шии узнала те же черты: те же глаза, те же ямочки. Это была та же девочка, только повзрослевшая.

Неужели её госпожа... влюбилась?

Она смотрела на изображение очаровательной, живой и озорной девушки.

Ну надо же, железное дерево зацвело!

Шии взглянула на свою госпожу: простая одежда, благородное лицо, холодный взгляд, тонкие изящные пальцы. Она с трудом сдерживала улыбку, думая о том, как бы Сун Цинлань выглядела в женском платье. Она никогда не видела её такой.

Что ж, когда-нибудь представится случай.

<http://bllate.org/book/21492/2200594>